

ИРИНА ВЕРЕХТИНА

ИСТОРИЯ ЛЮЦИИ

18+

Ирина Верехтина
История Люции

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Верехтина И.

История Люции / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В курсе Ритиных дел были все сотрудницы папиного НИИ: Рита пылко влюблялась, бурно переживала очередную настоящую любовь и очередной разрыв и со слезами делилась с «подругами» своим горем. Стоит ли говорить, что никто её не осуждал — с директорской дочкой лучше соглашаться. Правду Рита слышала только от Люции. Эта книга — о любви, которую ждёшь, даже пережив предательство и утратив самооценку. О превратностях судьбы и капризах фортуны. Любовные сцены отсутствуют, «отношения» отсутствуют, зато приключений будет достаточно. Иллюстрация на обложке — бесплатные обои для рабочего стола.

© Верехтина И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Девочка блеск	5
Люция Гоздиньская	8
В тихом омуте	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Девочка блеск

В это утро Люся проснулась счастливой, как просыпалась в детстве, когда каждый новый день обещал нечто восхитительное и неизведанное. Но детство давно кончилось, а вместе с ним навсегда ушло волнующее предвкушение праздника, ожидание чуда. И вот – вернулось, и щекотно таяло в груди, как если бы Люся выпила стакан ледяной газировки: внутри сладко лопались невидимые пузырьки, и от переполняющего сердце восторга хотелось смеяться.

Люся не выдержала и рассмеялась. И взглянув на часы, резво вскочила с кровати. Сегодня они с Ритой едут на Пироговское водохранилище – огромное как море, с белыми чайками, желтыми песчаными отмелями, зелеными травянистыми пляжами и синей водой, на которой качаются разноцветные паруса... Рита пригласила её в яхтклуб! Весь этот длинный июньский день они будут купаться, загорать и кататься на обещанном Ритой гидроцикле, принадлежащем яхтклубу, членом которого был Ритин отец и сама Рита (при ближайшем рассмотрении «гидроцикл» оказался обыкновенным водным велосипедом).

«Как здорово, что у меня есть Рита!» – восторженно думала Люся, перекидывая с места на место юбки, блузки, футболки и шорты, – одеться следовало красиво, чтобы не ударить лицом в грязь. Люся извлекла из недр шкафа кокетливую шляпку из соломки, плиссированную голубую юбку и такого же цвета футболку с вышитыми на ней белыми и синими розами.

– Ты хоть оденься нормально, не подведи. Там же люди, смотреть будут, скажут, кого привезла... – сказала ей Рита, и Люсю покорило.

С Ритой она познакомилась случайно – на чьём-то дне рождения их места за столом оказались рядом. Люся вертела в руках бутылку муската, который, похоже, никто не собирался открывать. Мускат был греческий, тамошнего розлива. Прищурился глаза, Люся вглядывалась в мелкий текст на этикетке. Этикетка сулила экзотический аромат, гармоничный насыщенный вкус с тонами свежей земляники и бархатное послевкусие. Люсе очень хотелось ощутить – послевкусие. Но бутылка была запечатанной, а открыть её она стеснялась.

Тонкая загорелая рука, охваченная изящным браслетом, осторожно вынула драгоценную бутылку из Люсиных пальцев.

– А ты, я смотрю, разбираешься... – сказала Люсе сидящая рядом с ней красивая девушка.

Люся ей не ответила. Она и правда разбиралась в винах: мамина родня жила в Абхазии и Грузии, виноградники имелись у всех. Не рассказывать же об этом соседке по столу... Между тем Люсиная соседка, мастерски управляясь со штопором, открывала экзотический кипрский мускат.

– Здесь не та компания, в винах никто ни фи́га не понимает, – объяснила она Люсе. – Коньяк глушат, вискарём наливаются да брэндии лакают. А это – девушка любовно провела пальцем по горлышку бутылки – не для всех. Это для тех, кто понимает. И мы её с тобой уговорим, и насладимся – бархатным послевкусием.

Люся улыбнулась и неожиданно для себя самой сказала: «Насладимся. Наливай!»

– За знакомство! Меня Рита зовут. А ты Люся, я уже знаю. Я всё про тебя знаю. – Рита подняла бокал. – За нас!

«Ничего-то ты обо мне не знаешь...» – подумала Люся.

Рита смотрела, как она пьёт волшебный, пахнущий земляникой мускат – мелкими неторопливыми глотками – и разглядывает бокал на свет.

– А ты ничего, – одобрила Рита новую знакомую. – Знаешь толк в элитных винах.

– Знаю, – улыбнулась Люся. – У мамы в Грузии родня, там виноградники у всех... Я все секреты знаю.

– Она у тебя грузинка? А знаешь, ты похожа!

– Нет, мама у меня наполовину гречанка, а наполовину... с кем-то из местных. Я сама толком не знаю.

– Ну, я и говорю, похожа.

– Ни капельки не похожа, – рассмеялась Люся. – Это все говорят, вся родня.

– Ну, не знаю... А мне кажется, похожа, – не сдавалась Рита. – А я просто мамина копия, и характером, и лицом. Так папа говорит. А мамы нет, уже давно. Мы с папой вдвоём живём... – дрогнувшим голосом закончила Рита, взяла Люсину руку в свою и крепко сжала. Люся ответила на пожатие.

– Давай за родителей выпьем. Второй тост всегда пьют за родителей.

– Я знаю, – улыбнулась Люся. Она не стала говорить, что бокалы за родителей на дне рождения поднимают в честь родителей «новорожденной». Ей нравилась Ритина откровенность и это дружеское рукопожатие. Мускат растекался по горлу мягким бархатным теплом, оставляя неуловимо тонкий, медово-изюмный аромат. Пытаясь его удержать, Люся зажмурилась и забормотала, не выпуская Ритину руку из своей.

– Гамбургский мускат. Нет, скорее всего, смесь сортов. Чувствуешь аромат, терпкий такой, как если виноградную шкурку долго жуёшь? Это гамбургский, только у него такой выраженный вкус...И ещё гармеча. Она малиной пахнет и пряностями...И розовый мускат, чувствуешь землянику? Это вроде как смесь трёх сортов. Нам повезло, подруга. Насладимся!

– Слушай, ты прямо в точку попала! Именно это я и чувствую, малина и земляника, и пряности, и... как это у тебя получается? Ты прирождённый сомелье! – изумилась Рита.

Через минуту обе увлечённо болтали обо всём подряд, с аппетитом поедая салаты и закуски и запивая их греческим мускатом. Новая подруга с ходу начала рассказывать Люсе про своих мальчиков. Их у Риты было без счёта, и с каждым был роман. Рита говорила – отношения. Об этих самых отношениях она без малейшего стеснения поведала Люсе, выжидательно уставясь на подругу серыми большими глазами в густых ресницах. Глаза были честными. То, о чём рассказывала Рита, было беспринципным и бесчестным. Люся так и сказала.

– А ты молодец! – одобрила Рита. – Другие тоже так думают, а вслух сказать боятся. А ты сказала. Я таких уважаю.

– Да ты что?! Ты и другим рассказывала – такое? – ужаснулась Люся.

– Да я не всем рассказывала, только на работе, девчонкам, – оправдывалась Рита.

– Ты с ума сошла? Над тобой же смеяться будут! Грязью будут поливать! – негодовала Люся. – Зачем же ты о себе такое...

– Не будут.

– Почему?

– Потому что боятся, – лаконично ответила Рита.

– А почему тебя надо бояться? – не поняла Люся. И Рита объяснила – почему.

Ритин папа входил в совет директоров какого-то крупного производственного объединения с длинным названием (Рита говорила – концерн) и вдобавок возглавлял НИИ, где работала Рита. Кто же отважится сплетничать о директорской дочке? Рите всё сходило с рук. Она являлась на работу за полдень. Торчала часами в буфете. Рассказывала в курилке о своих бесконечных «лавстори», ощущая на себе завистливые взгляды: дружить с Ритой хотели все.

Люся названия концерна не запомнила. Как и названия Ритиногo НИИ. Зато про парней постаралась запомнить всё. Все Ритины приёмы и уловки. На всякий случай. Хотя никаких «случаев» в Люсином обозримом будущем не предвиделось. Люся была некрасивой, об этом безапелляционно говорило ей зеркало, а зеркалам Люся верила. Ещё она была немногословной, неудачливой, нелюдимой и стеснительной. Полный набор. Одни сплошные комплексы.

У Риты комплексы отсутствовали напрочь. Она знала себе цену и радовалась, когда её оценивали другие. Оценивали по достоинству. Зарплата Ритиногo отца позволяла ей... да, собственно, всё позволяла! Рита одевалась в дорогих магазинах, любила посещать модные салоны,

у неё был свой парикмахер (Рита говорила – визажист) в престижном дамском салоне, личный инструктор в элитном фитнес-клубе, знакомый жокей на ипподроме, куда Рита имела свободный доступ, как завязанная лошадница и неплохая наездница. Что ещё? Без счёта ювелирных безделушек и прочих аксессуаров. И ухажёров – без счёта.

В курсе Ритиных дел были почти все сотрудники папиного НИИ: Рита любила сплетничать с подругами в курилке, а их у директорской дочке было тоже без счёта. Эти так называемые подруги за глаза дружно осуждали Риту, называя её свистелкой (за страсть к историям), побл***шкой (за страсть к противоположному полу) и побрякушкой (за страсть к украшениям). Впрочем, такие разговоры велись кулуарно, говорить в открытую боялись: всё-таки дочка директора.

Рита ни о чём не подозревала и чувствовала себя на работе как рыба в воде. Точно так же она чувствовала себя в любой, даже малознакомой, компании. Рита пылко влюблялась, бросалась очертя голову в очередную настоящую любовь, бурно переживала очередной разрыв и со слезами делилась своим горем с сотрудницами папиного НИИ, которые все как одна числились у Риты в подружках. Надо ли говорить, что никто её не осуждал, Рите дружно сочувствовали, понимали и были на её стороне: девчонка просто чудо, одна на миллион, а он подлец, предатель, и как его земля носит!

Расставшись с очередной «настоящей любовью», Рита с неделю ходила бледная, поху-девшая и несчастная... И снова страстно влюблялась и пылко переживала, с удовольствием посвящая в свои страдания весь женский состав НИИ в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти. Ритины глаза сияли, как два маленьких солнца, голова горделиво приподнята, походка пружинистая и грациозная. Девочка блеск!

«Бразильский сериал, двести пятьдесят шестая серия!» – смеялись сотрудники НИИ, когда за Ритой захлопывалась дверь...

Люция Гоздиньская

В противоположность Рите, Люся считала, что парень, с которым всё серьёзно (понятие «серьёзно» в Люсиной трактовке сильно отличалось от Ритино), у девушки должен быть один-единственный, который впоследствии станет ей мужем и отцом её детей.

– А как я пойму, что он единственный? – смеялась Рита.

– Надо искать, – серьёзно отвечала ей Люся. – Бывает, люди ищут свою половинку всю жизнь.

– Вот и я – ищу всю жизнь! – радостно подхватывала Рита. – У меня их знаешь сколько было, половинчатых этих? А я единственного ищу. Не найду никак, – хохотала Рита.

– Ну, ты-то найдёшь, с твоей внешностью! – убеждённо говорила Люся, и Рита с ней соглашалась, очень довольная собой. Внешность у неё была на все сто, «девочка – обайдеть». Особенно на Люсином фоне. Рита повсюду таскала за собой новую подругу, которая ни о чём не подозревала и вспыхивала от радости, услышав в телефонной трубке Ритин голос.

– Собирайся. Едем с тобой в одну компанию, – командовала Рита. И счастливая Люся, собравшись по-солдатски за четыре минуты и не успевая наложить косметику (Рита успевала), мельком смотрела на себя в зеркало (Рита проводила у зеркала двадцать приятных минут) и выскакивала из дома как кукушка из часов.

Люся не любила зеркал – никто не любит смотреть правде в глаза, тем более, когда она так горька. А ведь могло быть иначе, если бы Люся была похожа на мать. Или на отца. По-настоящему она была – Люция, а полностью – Люция Анджеевна Гоздиньская. Отец Люси, Анджей Гоздиньский, поляк из Кишинёва (отец говорил – поляк, с ударением на «о»), обладал внешностью польского шляхтича-аристократа: породистое лицо, изящные манеры и неподражаемая барственная вальяжность.

Люсе не досталось от отца ничего. Ни одной чёрточки красивого холёного лица ясновельможного пана, как шутя называла его Люсиная мама. Ну, разве только брови, густые и широкие, что совсем не радовало. И нос, который упорно не желал быть в гармонии с остальными чертами лица и жил своей отдельной жизнью. Совсем как у Гоголя в повести «Нос», невесело думала Люся. Брови и нос были папиными.

Мать Люции – абхазка по матери, гречанка по отцу, была красива той южной экзотической красотой, о которой говорят, что она быстро увядает. У мамы красота не увяла до сих пор (наверное, потому, – размышляла Люся, – что мамина бабушка была украинка). Хариклия Аристарховна Гоздиньская искренне считала себя русской, поскольку родилась в России и всю жизнь, исключая детство, прожила в Москве. Анджей снисходительно улыбался в усы, но никогда не спорил с женой по этому поводу. Отец любил маму той неизбывной, неиссякающей любовью, которая, говорят, присуща женщинам, а у мужчин бывает редко и, говорят, исчезает без следа, словно её никогда и не было. У отца, однако же, не исчезала. Однолюб по природе, Анджей обожал свою Алечку и гордился дочерью, которую считал красавицей и умницей. Но вот беда – так считал только Люсин папа.

Люся родилась не похожей ни на мать, ни на отца. Приехавшая на крестины абхазская родня закатывала глаза, цокала языками и разводила руками: нет, ни на кого не похожа эта пухленькая светловолосая малышка, ни на кого... «Ни нашим, ни вашим» – вынесла суровый вердикт мамина родня и укатила восвояси, взяв с Хариклии обещание непременно приехать через год, непременно, скани квнесамэ!

Вердикт оказался пророческим: Люция в свои двадцать пять была никому не нужна – ни нашим, ни вашим. С ней никто не спешил знакомиться, никто не добивался её расположения, не обрывал вечерами телефон... Люцию аккуратно и вежливо обходили стороной. Два коротких романа – если можно назвать романом робкие ухаживания, совместные вылазки в театр (в

кино, на выставку, в парк), беглые поцелуи в подъезде (в кинотеатре, на выставке, на лавочке в парке) и такие же беглые уверения в любви – два коротких романа были не в счёт, они лишь подтвердили правило: Люся в очередной раз оказывалась на обочине, а жизнь проходила мимо. Все, словно сговорившись, аккуратно вычёркивали Люсю из своей жизни.

Рита поступила наоборот и внесла её в список друзей.

Нельзя сказать, что у Люси не было подруг – они у неё были. Люся умела дружить: обходила острые углы, никого не обсуждала и не осуждала. Люсины покладистость и уступчивость всех вполне устраивала, Люсино мнение никого не интересовало, интереснее было высказать своё – и услышать Люсино одобрение.

Появившись на Люсином небосклоне, Рита затмила всех, как комета, проносясь по небу, затмевает светом звёзды. Она была иной, не похожей на Люсиных подруг, и предпочитала предельно откровенные разговоры, упрямо добываясь Люсиного мнения по обсуждаемой теме и не высказывая своего. Темы были такие, что...

Убедившись, что Рита не шутит и не собирается её высмеять, Люся с увлечением вступала в полемику (а точнее, в перепалку), находя неопровержимые, как ей казалось, доводы, которые Рита разбивала в мелкие осколки, улыбаясь и поглядывая на подругу с видом победителя. Люся не сдавалась, и обе входили, что называется, в раж, перебивая друг друга и горячо доказывая, что чёрное это белое, и наоборот. Обе получали огромное удовольствие от общения, невзирая на расхождения во взглядах.

Со своей стороны, Рита не испытывала недостатка в подругах, но Люся оказалась идеальным слушателем, к тому же нестандартно мыслящим. Она не поддакивала Рите и не заглядывала в глаза, как сотрудницы папиного НИИ, а очень естественно ужасалась и с жаром доказывала своё. С Ритой она становилась другой.

Люция верила каждому её слову (что забавляло любившую приврать Риту) и слушала Ритины рассказы очень эмоционально: ахала в драматических сценах, каменела лицом в особо патетических местах, восторженно вздыхала – в местах романтических, и утирала неприличные слёзы – в трагических финалах, коими заканчивались все Ритины «лавстори».

После чего Рита требовала от неё «разбора полётов», и Люция выносила суровый вердикт, опираясь на моральные и эстетические принципы, в корне отличающиеся от Ритиных. Рита выслушивала приговор со снисходительной улыбкой. – «Так-то оно так, – говорила Рита. – Но это теория. На практике всё наоборот».

Беспринципная и смелая в суждениях Рита цинично раздолбала Люсины «правила жизни», не оставив камня на камне. Но Люся не обиделась, она уважала Риту за её искренность, за то что подруга делилась с ней сокровенным и не выставляла себя в выгодном свете.

«Себя надо любить» – говорил Люсе отец. Рита была к себе беспощадна, бесхитростно рассказывая подруге – как «всё было», словно вела репортаж с места событий. Рита говорила о своей любви, словно препарировала лягушку, умело и цинично, комментируя каждый шаг и выворачивая перед Люсей лягушачьи внутренности... Тьфу! Иногда это было очень противно, но Люся молчала.

Ритины истории кончались обычно слезами обеих сторон. – «Все мужики обманщики и козлы, исключений не бывает» – убеждённо говорила Рита. И через неделю с восторгом рассказывала подруге об очередном Ромэо.

Кафе добро фэли андидоро, каждый подарок хочет подарок в ответ, гласит греческая поговорка. Откровенность за откровенность: Люся поведала подруге о двух своих коротких (один длился полтора месяца, другой – месяц) романах, которые циничная Рита метко окрестила месячными. Но никому на свете, даже Рите, Люся не рассказывала о том, что побывала замужем. Почти год. После чего муж, без выяснения отношений и ненужной патетики, оформил развод и уехал к себе в Зеленоград.

После развода Люции не хотелось жить. Она чувствовала себя так, словно об неё вытерли ноги, как о половик – не глядя. Муж, которого она, наверное, любила (иначе бы ей не было так больно и так одиноко) и с которым у них была одна общая жизнь, – муж перешагнул через неё как через порог и пошёл по жизни дальше. А Люция осталась за порогом.

Весь этот год – первый и единственный год её семейной жизни – она не переставала удивляться. А удивляться было чему. Взять хотя бы сам факт Люсиного замужества. Тихий скромный Люсин однокурсник, который ни на кого не смотрел (или это на него – не смотрели?) и ничем, кроме учёбы, не интересовался, отколол номер: на втором курсе сделал Люсе предложение. Подкараулил её вечером у выхода из института и решительно взял за руку: «Поговорим?»

Разговор занял не более пяти минут. Изумлённая Люся узнала, что он давно (с первого курса) её любит и хочет узаконить отношения. Если Люся не против.

Удивляясь собственной безрассудности, Люция согласилась. В тот же вечер они подали заявление в ЗАГС, и через две недели (Люся молчала как немая в институте и дома – жених хотел сделать всем сюрприз) – через две недели Люция представила остолбеневшим родителям своего мужа.

– И давно вы... друг друга любите? – спросила, обретя наконец дар речи, Люсиная мама.

– С первого курса, – солгала Люся. Впрочем, солгала только наполовину: ведь Коля полюбил её, как только увидел. Сама Люся, ошеломленная свалившимся на неё замужеством, не могла понять, любит ли она мужа или просто он ей нравится.

Наверное, это и есть любовь? На раздумья не оставалось времени. Сюрприз удался на славу: их свадьба была первой на Люсином факультете и бурно обсуждалась однокурсниками. – «И когда успели? Два отличника... В тихом омуте черти водятся!».

В тихом омуте

Жить решили у Люси: квартира большая, и до института всего три остановки, можно пешком пройти. В семейной жизни Коля оказался таким же аккуратистом и тихоней, каким его знали в вузе. Он неизменно был согласен с Люсей, всё и всегда решала только она. А когда пыталась передать инициативу в руки мужа, Коля тактично «возвращал подачу». Происходило это примерно так.

– Выберемся куда-нибудь в воскресенье? – предлагала Люся мужу.

– Давай! А куда?

– А куда ты хочешь?

– Да я... Куда ты, туда и я, мне все равно.

– Ну, тогда выбирай, в кино или в театр? Или в парк с шашлыками и аттракционами, я бы покаталась. А хочешь, в кафе посидим. Или на речном трамвайчике по Москве-реке покатаемся.

– Поехали! – покладисто соглашался Коля.

– А куда? – допытывалась Люся.

– Куда скажешь. Мне везде интересно... с тобой, – заявлял жене Коля. И куда бы они не отправились, оставался доволен.

От этих воскресных поездок у Люси каждый раз оставалось чувство неудовлетворённости: ведь всё и всегда было по-Люсиному. Муж никаких пожеланий и предложений не высказывал, с Люсей был внимателен и заботлив, к Люсиным родителям относился с подчёркнутым уважением. Эта невзаправдашняя жизнь – спокойно-размеренная и упорядоченная – Люсе не очень нравилась. Хотелось чего-то иного. Она не знала, чего.

Люсиному счастью завидовали все девчонки с их факультета и вперевод распрашивали её о семейной жизни.

– Люсь, ну расскажи, как у вас? Всё хорошо? Так уж и всё? Так никогда и не ссоритесь? Так не бывает. А как твои родители к нему относятся? А он к ним как? А он тебе помогает, или ты одна всё делаешь?

– Да что – всё-то? – смеялась Люся. И сообщала изнывающим от любопытства сокурсницам, что живут они дружно, и Коля, конечно же, ей помогает, он и рыбу умеет вялить, и мясо мариновать, а шилаплави из баранины готовит так, что пальчики оближешь. И вообще, они всё делают вместе.

– Мы с Колей семья, мы одно целое, – говорила Люся.

– Неужели не ссоритесь никогда?

– Не ссоримся, – с улыбкой подтверждала Люся, и девчонки ей не верили.

– Так не бывает!

Однако же было. Они с Колей за год так ни разу и не поругались. Коля был неизменно вежлив и никогда не повышал на неё голос, хотя соглашался с женой не всегда.

На Колин день рождения Люся купила бутылку коньяка «Хенnessи», очень дорогую и очень красивую. Ждала, что муж обрадуется – на семейных праздниках Люся с мамой пили домашний мускатель и вишнёвую наливку, а Коля с Люсиным папой «уговаривали» армянский марочный «Арагат Ахтамар» и оба выглядели вполне довольными. Люся представляла, как обрадуется муж дорогому подарку и всю дорогу от магазина до дома не могла перестать улыбаться. До дня рождения она еле дотерпела – так хотелось порадовать мужа.

– Зачем? – равнодушно спросил жену Коля. – Он же таких денег стоит! – И деловито предложил:

– А давай твоему отцу подарим? У него через месяц день рождения, у меня в календаре отмечено... Давай? Вот он обрадуется!

И Люся, которая уже купила отцу его любимый грузинский «Асканели» восьмилетней выдержки, согласно закивала головой. А что ей оставалось?

Через месяц драгоценный «Хеннеси» был торжественно раскупорен и одобрен гостями.

– Это мне зять подарил. А это дочь! Уважили! – объяснял гостям довольный Анджей. Взгляды гостей обратились к Николаю, и Люся испытала гордость за мужа, совершенно забыв о том, что коньяк купила она сама.

А ещё через месяц муж собрал чемодан и уехал, сказав на прощанье Люсе: «Ты ни в чём не виновата. Просто у нас с тобой не сложилось, и теперь уже не сложится. Нам надо развестись. Я пока у себя поживу. Я позвоню». Чмокнул опешившую Люсю в щёку и аккуратно закрыл за собой дверь. Навсегда.

«Ой, мамочки, мамочки, что же теперь делать? Что я вечером родителям скажу?» – бормотала Люся, бесцельно бродя по квартире. Заглянула в ванную комнату. На полочке мужа, где стоял его бритвенный прибор и умывальные принадлежности, было пусто. Хоть бы забыл что-нибудь и вернулся, думала Люся.

Но Коля ничего не забыл. Оставил Люсе только фамилию – Мельник. Люция Мельник это ещё хуже, чем Люция Гоздинская.

Фамилию Люся менять не стала – ей уже было всё равно. Развод стал для неё крушением «Титаника». Жизнь, словно айсберг, раскололась на куски. До встречи с Колей она упрямо верила в счастье, и что в её жизни будет любовь и будут дети, мальчик и девочка. До развода она самозабвенно любила мужа, и каждый день прислушивалась к себе и ждала, когда внутри шевельнётся новая жизнь. Сына они назовут Станиславом, с ударением на «и» – по-польски. Так звали папиного отца, Люсиного дедушку.

Станислав Николаевич Мельник – это звучит. Будет звучать! А девочка непременно будет похожа на мамину маму, которая умерла за два года до рождения Люси. У них будут красивые дети, не такие, как она... – мечтала Люся. А если Коля захочет, она родит ещё, сколько захочет, сколько попросит, Люся с радостью исполнит его желание... Но Коля не торопился стать отцом и Люцию ни о чём таком не просил.

Всё это было до развода. А после – в любовь и счастливую жизнь Люция больше не верила. Но в сердце ещё жила надежда, что Коля к ней вернётся. Поймёт, как она его любит, то есть любила. То есть, это он её любил. У попа была собака, он её любил...

Надежда жила в ней ещё долго, светилась тёплым живым огоньком, не давая Люсиному сердцу окоченеть и превратиться в лёд. А потом тихо умерла. Вместе с сердцем.

Люся так до конца и не поверила отцу, который тщетно пытался втолковать безутешной, поникшей от горя дочери, что муж оставил не её, Люсю, а ставшую бесполезной идею.

– Понимаешь, дочка, о чём я говорю?» – втолковывал Анджей дочери. Люся механически кивала головой, всхлипывая и сморкаясь. Слезы нарисовали на её щеках две блестящие дорожки.

– Астав её, астав, – останавливала Анджея Люсиная мама, у которой, когда она волновалась, появлялся заметный абхазский акцент. Хариклия всунула в безвольные руки дочери стакан с нарзаном. Люся послушно глотала воду и плакала, не в силах остановиться.

– Скани чирн мэ, скани квнэса мэ (отдай мне твоё горе, отдай твой стон) – бормотала по-абхазски мама, глядя Люсю по голове, как маленькую.

А отец упрямо гнул своё.

– Понимаешь, дочка, зачем он на тебе женился? Ему не ты была нужна, ему квартира приглянулась. Шутка ли, пять комнат в доме на Арбате и тесть – член Союза художников. Устроился твой Коля как у Христа за пазухой! Пся крив! (пёсья кровь, польское ругательство) – не сдержался Анджей. – Всех обвёл вокруг пальца! «Хеннеси» подарил, со стипендии его не купишь... А я так и не дал согласия.

– Какого согласия? – не поняла Люся.

– На прописку согласия не дал!

– Зачем ему? Он в Зеленограде прописан, это Москва, – заторопилась Люся, по привычке защищая мужа, впрочем, теперь уже бывшего.

– Вот именно, в Зеленограде. В коммуналке. А ему бы хотелось – на Арбате! А ещё через пять лет он бы разменял нашу квартиру. Пять лет счастья тебя бы устроили? Я его сразу раскусил, больно тихий, а в тихом омуте, как всем известно, водятся черти. Так что Коля твой на квартире женился, а ты ему не нужна была. Потому и детей не хотел.

– Он говорил, что любит.

– Говорил. Как он мог не говорить... А ты поверила. Матка боска... (польск.: мать божья). Если бы любил, не ушёл бы! А он ушёл. После того как я сказал ему, что не пропишу его в своей квартире никогда. Если бы любил, увёз бы тебя в Зеленоград, в коммуналку. Ты бы поехала. Я свою дочь знаю. Но ведь – не увез?

– Не увёз...

– Оставь ты свой нарзан, Аля. Тащи-ка сюда братьев Асканели, они скорее помогут («Братья Асканели/Askaneli Brothers» – фирма-производитель коньяков «Асканели»)

Люся снова стала незамужней. Ни с кем не встречалась. Ни на кого не смотрела. Никому не верила. Коля из института ушёл – перевёлся куда-то, Люся не спрашивала, куда. Теперь она общалась только с подругами, старательно избегая вечеринок и сабантуев. Подруг было немного, но они были настоящими, с подругами ей определённо везло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.